

Важнейшие черты международных документов о домашнем и гендерном насилии

В последнее время мы все чаще слышим сетования международного сообщества на то, что в России не принят закон о домашнем насилии и что наша страна не подписала другие акты, ликвидирующие насилие и дискриминацию в отношении женщин. Однако у России есть свой успешный опыт борьбы с дискриминацией женщин. Наша страна является одним из мировых лидеров по числу женщин-руководителей и опережает по этому показателю страны ЕС и США.

В российском законодательстве нет ни одной нормы, которая бы ставила права одних граждан выше прав других граждан или дискриминировала бы кого-либо по половому или какому-либо еще признаку. В России соблюдается принцип равенства всех перед законом. Именно поэтому наша страна не принимает закон о домашнем насилии и не подписывает Стамбульскую конвенцию. Мы совершенно не понимаем, зачем домашнее насилие надо выделять в специальную отдельную законодательную норму - в нашей стране есть несколько десятков статей Уголовного кодекса, серьезно наказывающих за насилие, вне зависимости от того, где и кем оно было совершено.

А вот европейские законы, регулирующие тему домашнего насилия, и статьи СК, по нашему мнению, содержат дискриминационные и антидемократические нормы. Каковы эти дискриминационные и антидемократические черты?

1. Именно в семейном законодательстве СК предлагает отменить фундаментальный принцип права, как презумпция невиновности. Вопиющим нарушением этого принципа являются так называемые «Приказы об ограничениях или защите», описанные в **статье 53 СК**, которые выписываются незамедлительно только по заявлению одного из супругов, без доказательства вины второго супруга. Т.е. другого супруга можно выкинуть из собственного дома и лишить общения с детьми, и для этого достаточно слов «жертвы», не подтвержденных никакими доказательствами (ст. 52 СК – **Срочные запретительные приказы**). Одна сторона заведомо имеет полный кредит доверия и не обязана доказывать свои слова, в то время как вторая сторона заведомо полностью лишена этого доверия и не имеет никаких прав и возможностей защитить себя. Одной статьи 53 СК достаточно, чтобы признать ее дискриминационным документом.

2. Отсутствие необходимости доказывать вину «правонарушителя» усугубляется с включением в перечень преступлений «психологического насилия». Согласно рекомендации R(2002)5 Комитета Министров Совета Европы (*в Пояснительной записке к Рекомендациям R(2002)5 Приложение II*) психологическое насилие включает в себя «насмешки, недоброжелательные или унижительные замечания..., пренебрежительное отношение, грубость...». Насилием в этом документе также признается «*пристальный взгляд*». Кроме того, недавно ЕСПЧ заявил, что для доказательства наличия акта насилия в отношении женщин достаточно, чтобы «*женщина*» чувствовала себя «*униженной в собственных глазах*». Подчеркнем, за эти виды насилия предполагается уголовное преследование. Поскольку доказательств и свидетелей для признания факта совершения

преступления не требуется, то о степени пристальности взгляда и чувстве униженности будут судить по субъективным заявлениям женщины. По сути, любая ссора, спор (а их не избежал еще ни один человек) становятся поводом для уголовного преследования. Следовательно, любой человек может быть объявлен преступником. Отсутствие объективных критериев доказательства психологического насилия открывает широчайшие возможности для произвола и недобросовестного применения норм, связанных с психологическим насилием. Это совершенно тоталитарные нормы и мы требуем изъятия неюридического понятия «психологическое насилие» из всех юридических норм.

3. Еще одна антидемократическая черта законов о домашнем и гендерном насилии – это высокая коррупциогенность и коммерциализация услуг по защите женщин. Согласно статье 9 Стамбульской конвенции предполагается, что такие услуги могут оказываться НПО. Сотрудники НПО, психологи, а не судьи, будут выявлять психологическое насилие, они будут помещать женщин в свои собственные кризисные центры, насильно разлучать детей с родителями и помещать их специальные учреждения, насильно их лечить и воспитывать тех, кого они захотят признать совершившими психологическое насилие. При этом они должны поддерживаться государством и получать финансирование за каждое вмешательство в семью. Это создает большие возможности для злоупотреблений. Очевидно, что такие НПО, имеющие коммерческую выгоду, становятся серьезной угрозой для семьи, поскольку имеют возможность признать женщину жертвой, а мужа насильником, даже если супруги вовсе себя таковыми не считают.

Вывод. Стамбульская конвенция и другие международные документы о домашнем и гендерном насилии требуют от стран создавать репрессивную машину, действующую по своему отдельному внутреннему законодательству, не связанному с государственными законами. Этот аппарат предлагается создать из негосударственных структур (НПО), которые вместо судей и полицейских будут решать, кто является преступником, а кто – жертвой. Само международное законодательство о домашнем и гендерном насилии является дискриминационным и нарушает фундаментальные принципы международного права. Мы предлагаем пересмотреть эти международные документы и вывести из них все антидемократические и дискриминационные нормы. Кроме того, мы предлагаем внимательно изучить все опасные последствия широкого внедрения понятия «психологическое насилие», оценить высокую степень угрозы для прав и свобод личности, которую представляет использование этого понятия и изъять его из международных и национальных правовых документов.